

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. "Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить." – Рабби Сакс

МАТОТ — МАСЕЭЙ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Чем опасны подозрения

История сама по себе очень интересная. Вдобавок из нее вытекает один из главных принципов иудаизма. Два колена, сыны Реувена и сыны Гада, обнаруживают, что земли к востоку от реки Иордан — идеальное пастбище для их огромных стад крупного и мелкого скота. И тогда они просят, чтобы Моше разрешил им не переходить Иордан, а обосноваться на облюбованных землях. Вначале Моше гневается. Он заявляет, что их затея ослабит решимость всех остальных колен: «Неужели ваши братья пойдут на войну, а вы останетесь здесь?» Неужели их ничему не научило прегрешение разведчиков: те заразили остальных малодушием и в результате обрекли целое поколение на сорокалетние скитания по пустыне?

Сыны Реувена и сыны Гада соглашаются с доводом Моше. Они разъясняют, что и не думали уклоняться от борьбы своих собратьев-израильтян за страну. Они готовы отправиться вместе с остальным народом в Землю обетованную и сражаться плечом к плечу с другими коленами: «Мы не вернемся домой, пока каждый из сынов Израиля не получит свой удел».

Моше обязывает их дать публичное обещание и удовлетворяет их просьбу при условии, что они сдержат слово: «(Когда) эта страна будет покорена пред Г-сподом — тогда вы сможете вернуться, освободившись от всех обязательств пред Г-сподом и Израилем, и эта страна станет вашей в качестве вашего вечного владения пред Г-сподом»¹.

Место, которое мы здесь выделили курсивом, в буквальном переводе гласит: «Вы будете невиновны пред Г-сподом и Израилем». Со временем эта фраза стала этической аксиомой иудаизма. Недостаточно совершать поступки, которые являются праведными в глазах Б-га. Нужно еще и действовать таким образом, чтобы твои поступки выглядели праведными в глазах людей, твоих собратьев. Мы обязаны быть выше подозрений. Это правило «веейтем некийим»: «Вы будете невиновны в глазах Г-спода и Израиля».

Как это отразилось в еврейском законе и в жизни? В Мишне, в трактате «Шкалим», рассматриваются три периода в году, когда люди делали пожертвования, забирая

¹ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова (Тора с афтарот. М.: Книжники; Леаим, 2025): «...тогда вы, вернувшись, будете чисты пред Г-сподом и перед

Израилем. Эта страна станет вашим владением пред Г-сподом». — Примеч. перев.

часть денег из «общего котла» подаяний, хранившегося в казначействе Храма. Мишна постановляет: «Тот, кто делал пожертвование, не входил в сокровищницу в одежде с подрубленным подолом, имея при себе обувь, тфилин или талисман. Иначе, если он обеднеет, как бы не сказали люди, что он обеднел, потому что совершил правонарушение в сокровищнице, а если разбогатеет, как бы не сказали, что он разбогател, незаконно присвоив подаяния из сокровищницы. Ибо мы должны быть невиновны в глазах людей так же, как в глазах Всевышнего, как сказано: “Вы должны быть невиновны в глазах Г-спода и Израиля”»².

Нечто похожее сказано в Тосефте: «Когда кто-то входил, чтобы вынести из сокровищницы подаяние, его обыскивали перед тем, как он входил внутрь, и после того, как он выходил, а с момента, когда он входил, и до самого момента, когда он выходил, непрерывно беседовали с ним».

При выносе монет из казначейства Храма недопустимы не только неправомерные действия, но и подозрения в таковых действиях. Поэтому на человеке, идущем за деньгами, не должно быть ничего, в чем он мог бы спрятать монеты. На входе и на выходе его надлежит обыскивать, а вдобавок вести с ним разговор, чтобы он не поддался соблазну спрятать несколько монет за щекой.

В двух раввинистических наставлениях периода Второго храма рассказываются о

семействах, которые прославились своей ролью в жизни Храма и превеликими стараниями остаться выше подозрений. Семья Гарму преуспела в умении готовить хлебы предложения. О людях из этой семьи сказано: «Вот за что вспоминают о них с похвалой: никогда не бывало в руках их сыновей хлеба очищенного, чтобы не сказали люди: “Кормятся они от хлебов предложения”»³. А семья Автинас искусно изготавливала благовония для использования в Храме. Ее члены тоже снискали большое уважение тем, что «никогда не выходила невеста из дома их, умащенная благовониями, и когда брали себе жен из других семейств, условились с ними, что те не будут умащать себя благовониями, чтобы не сказали люди: “Умашаются они благовониями, предназначенными для воскурения”»⁴.

Общий принцип изложен в Иерусалимском Талмуде: «Рабби Шмуэль бар Нахмани сказал от имени рабби Йонатана: “В книгах Моше, в книгах пророков и в Писаниях мы видим, что человек должен исполнять свои обязанности перед людьми точно так же, как должен исполнять их пред Г-сподом. Где именно сказано об этом в книгах Моше? В стихе: ‘Вы будете невиновны в глазах Г-спода и Израиля’. Где именно в книгах пророков? ‘Б-г богов, Г-сподь! Он знает, и Израиль пусть знает’⁵. Где именно в Писаниях? В стихе: ‘И снискаешь милость

² Шкалим, 3:2. Так в английском переводе. Место, касающееся одежды, комментаторы понимают по-разному, но суть в том, что в одежде не должно быть складок, где можно было бы спрятать монеты. «Имея при себе обувь», а не «в обуви»: на Храмовой горе полагалось ходить босиком. В русском переводе: «Тот, кто выносит деньги из сокровищницы, не входит туда в хитоне с отворотами, с башмаками или сандалиями, с тфилин или с талисманом, — если он обеднеет, как бы не сказали люди, что за грех денег сокровищницы он обеднел, а если разбогатеет, как бы не сказали, что от пожертвований сокровищницы разбогател. Ибо человек должен быть чист перед людьми так же, как

перед Всевышним, как сказано: “И будете чисты пред Г-сподом и перед Израилем”». См.: Мишна. М.: Книжники; Лехаим, 2011. Т. 1. Моэд [«Время»]. С. 495. — *Примеч. перев.*

³ Йома, 38а. Цит. по: Рабби Яков Ибн-Хабиб. Эйн Яков («Источник Якова»). М.: Книжники; Лехаим, 2012. Т. 2. С. 608. — *Примеч. перев.*

⁴ Там же. С. 609. — *Примеч. перев.*

⁵ Йеошуа, 22:22. — *Примеч. перев.*

и благоволение в глазах Б-га и людей”⁶. Гамлиэль Зога спросил у рабби Йосе бар Авуна: “Какой стих говорит об этом всего яснее?” Тот ответил: “Вы будете невиновны в глазах Б-га и Израиля”».

Стремление к этому лежит в основе двух алахических принципов. Первый принято называть «хашад» («подозрение»). Он гласит, что определенные действия, которые сами по себе разрешены, воспрещаются, так как их совершение может натолкнуть других на подозрения, что человек делает что-то запретное. Например, рабби Шимон бар Йохай утверждал: необходимость избежать подозрений — одна из причин, по которым Тора предписывает выделять пеа (угловой участок поля, оставляемый неубранным, чтобы его урожаем воспользовались бедняки) только после окончания жатвы. Если владелец поля выделял пеа, оставляя его неубранным, в начале или середине жатвы, бедняки снимали с этого участка урожай еще до окончания жатвы, и тогда прохожие могли подумать, что владелец вообще ничего не оставил беднякам. Аналогично раввины предписали: если у дома две двери, выходящие на разные стороны, то ханукальные светильники следует зажигать у обеих дверей. Иначе прохожий, которому видна только одна из дверей, может подумать, что хозяин не выполнил заповедь.

С этим алахическим принципом тесно связан другой — «марит а-аин» (дословно «видимое глазом», «то, как что-то выглядит со стороны»). Например, в прежние времена, когда растительные заменители молока еще не были широко в ходу, запрещалось употреблять вместе с мясом напитки, с виду напоминающие молоко (например, миндальные), чтобы люди не подумали, будто вы пьете настоящее молоко. Аналогично в шабат запрещено

вывешивать на просушку одежду, которая намочла случайно (например, упала в воду), так как окружающие могут подумать, что в шабат вы занимались стиркой. В общем и целом воспрещаются действия, которые сами по себе разрешены, но могут быть истолкованы превратно.

О сходстве и различиях этих принципов в раввинистической литературе спорят. Одни считают, что хашад и марит а-аин весьма похожи и, возможно, это лишь разные обозначения одного и того же принципа. Другие же находят, что перед нами два разных, даже противоположных принципа. Хашад описывает ситуации, когда люди могут счесть, что вы совершили что-то запретное, и подумать о вас плохо. А марит а-аин — случаи, когда люди, зная, что вы не склонны нарушать запреты, ошибочно заключают: раз вы совершаете действие А, то действие Б разрешено. Причина ошибки в том, что действие А легко принять за действие Б. Поясню на одном из вышеприведенных примеров: увидев, что в шабат вы вывесили одежду на просушку, люди могут заключить, что стирка разрешена, хотя на самом деле она запрещена.

Беспокойство о том, как выглядят наши поступки в глазах людей, поначалу кажется странным. Не правда ли, главное, что подумает о нас Б-г, а не люди? В Талмуде рассказывается о трогательной встрече умирающего раббана Йоханана бен Закая с его учениками: «Сказали ему ученики: учитель, благослови нас! Сказал им рабби Йоханан бен Закай: да будет воля Всевышнего, чтобы был ваш страх перед Небесами так же важен для вас, как страх перед [мнениями] смертных людей. Сказали ему его ученики: и это всё? Сказал им: дай Б-г, чтобы вы смогли достичь этого [уровня духовности]. Вы же видите [как это трудно], ведь когда кто-то хочет совершить

⁶ Мишлей, 3:4. — Примеч. перев.

грех, он говорит себе: надеюсь, меня никто не увидит [тем самым ставя свой страх перед смертными людьми выше страха перед Б-гом, который видит все]»⁷.

Более того, запрещено подозревать людей в неправомерных действиях. Законоучители Талмуда говорили: «Тот, кто подозревает невинного, [наказуется] телесными хворями» и «О человеке всегда следует судить, глядя на его заслуги»⁸. Итак, бремя ответственности возложено на наблюдателя: он обязан судить благосклонно. Почему же мы, те, за кем он наблюдает, обязаны действовать так, чтобы не пробуждать даже малейших подозрений?

Дело в том, что нам не дозволено рассчитывать, что другие выполняют свою обязанность и будут судить о нас благожелательно. Раши с житейской трезвостью замечает в связи с жизнью Моше: «Если он выходил из шатра рано, люди говорили, что он поссорился с женой. А если выходил поздно, люди говорили: “Он замышляет злые козни против нас”»⁹.

Даже Моше, самозабвенно посвятивший свою жизнь народу Израиля, не смог избежать подозрений. Рабби Моше Софер заходит еще дальше, признаваясь, что всю

жизнь испытывает тревогу, думая о том, как трудно соблюсти заповедь: «Будьте невиновны в глазах Б-га и Израиля». И добавляет, что первую половину заповеди («в глазах Б-га») исполнить гораздо легче, чем вторую («в глазах Израиля»). Он даже вопрошает, в силах ли хоть один человек исполнить заповедь целиком. Возможно, замечает он, именно это подразумевал Коэлет, когда сказал: «Ибо нет на земле такого праведника, который творил бы благо и не согрешил бы»¹⁰.

Однако в концепции «веейитем неким» («будьте невиновны») заложен глубокий смысл. Рава, мудрец Талмуда, язвительно порицал тех, кто встает перед свитком Торы, но не встает перед мудрецом Торы¹¹. Быть евреем означает, что ты призван стать живым сефер Тора — свитком Торы. Люди учатся правильному поведению не только по книгам, которые изучают, но, пожалуй, в основном по поведению людей, встреченных ими в жизни. Еврейские педагоги говорят, что есть как книги-учебники, так и «люди-учебники», живущие в соответствии со священным текстом. Они хотят сказать, что мы нуждаемся не только в официальной учебе, но и в живых образцах для

⁷ Брахот, 28б. Так в английском переводе. Расширенная цитата в русском переводе: «Сказали ему ученики: учитель, благослови нас! Сказал им рабби Йоханан бен Закай: да будет воля Всевышнего, чтобы был ваш страх перед Небесами таким же, как страх перед смертным. Сказали ему его ученики: только такой страх, не больше? Сказал им: дай Б-г, чтобы был такой же. Знайте, что когда человек совершает проступок, он говорит себе: лишь бы люди не увидели. Так и вы должны говорить перед проступком: лишь бы Всевышний не увидел. И тем самым, поскольку Он видит все, вы воздержитесь от проступка». См.: Вавилонский Талмуд. Трактат «Брахот». Т. I. М.: Книжники; Лехаим, 2017. Т. 1. С. 405–407. — *Примеч. перев.*

⁸ Пиркей авот, 1:6. Так в английском переводе. В русском переводе: «Суди о каждом с лучшей стороны». См.: Мишна. Т. IV. Незикин [«Ущербь»] С. 667. — *Примеч. перев.*

⁹ Раши к Дварим, 1:13. Так в английском переводе. В русском переводе: «Выйдет Моше [из шатра] пораньше, говорят: “Что это сын Амрама так рано вышел? Видно, не по себе ему в доме его”, выйдет позже, говорят: “Что это сын Амрама не выходит? Что вы думаете, сидит и замышляет недоброе против вас...”» См.: Тора с комментарием Раши. М.: Книжники; Лехаим, 2017. Т. 5. Дварим. С. 19. — *Примеч. перев.*

¹⁰ Коэлет, 7:20. Мидраш к пяти свиткам: Том третий. Коэлет раба. М.: Книжники, 2021. С. 385. — *Примеч. перев.*

¹¹ Макот, 22б. См. расширенную цитату: «Как глупы люди, встающие перед свитком Торы и не встающие перед большим человеком! Ведь в свитке Торы написано: “сорок [ударов]” (Дварим, 25:3), а мудрецы уменьшили их число на один». Цит. по: Рабби Яков Ибн-Хабиб. Эйн Яков («Источник Якова»). Т. 6. С. 610–611. — *Примеч. перев.*

подражания. Именно с этой целью рабби Акива ходил по пятам за рабби Йеошуа, чтобы подсмотреть, как он ведет себя в уединении. Рабби Акива пояснял: «Это тоже часть Торы, а я должен учиться»¹².

Два неразлучных принципа — хашад и марит а-аин — означают: мы должны поступать так, чтобы прослыть образцом для подражания (то есть как требует принцип хашад, «оставаться вне подозрений»), а наше поведение должно быть столь же недвусмысленным, как наставления в учебнике (то есть как требует принцип марит а-аин, не допускать превратных истолкований). Следует вести себя так, чтобы люди, наблюдая за нами, учились у нас, как полагается жить еврею.

Тот факт, что эти правила распространяются не только на великих мудрецов, но и на всех евреев, красноречиво свидетельствует: алаха провозглашает всеобщее равенство в духовной жизни. Каждому из нас предписано стать образцом для подражания. Само же существование этих правил, хоть нам и заповедано не подозревать других в дурных поступках, многое говорит о еще одной черте иудаизма. А именно: иудаизм — система не только прав, но и обязанностей. Когда мы своими поступками наводим людей на подозрения, нам не позволено утверждать: «Я ничего нехорошего не сделал; а вот другой человек, напротив, провинился тем, что усомнился во мне». Да, он, безусловно, провинился. Но это не снимает с нас ответственности вести образ жизни, который исключает подозрения. Каждый из нас должен вносить свой вклад в строительство общества, которое зиждется на взаимном уважении.

Так мы возвращаемся к истории, с которой начали, — просьбе колен Реувена и Гада о разрешении обосноваться на земле к востоку от Иордана. Как мы помним, Моше удовлетворил их просьбу при условии, что вначале они примут участие в битвах, которые ведут другие колена. Они так и сделали. Спустя годы Йеошуа призвал их и сказал, что они исполнили свое обещание и теперь вправе вернуться в те места, где построили себе дома (Йеошуа, 22).

Однако, по глубокой иронии истории, возникли новые подозрения, уже по совершенно иной причине. Дело в том, что сыны Реувена и сыны Гада построили на своей территории жертвенник. Другие колена заподозрили, что они отступаются от веры в Б-га Израиля, раз возвели свое сооружение для поклонения божеству. Израиль оказался на грани гражданской войны. Между тем подозрения возникли на пустом месте. Сыны Реувена и сыны Гада объяснили, что построенный ими жертвенник не предназначался для поклонения Б-гу, а должен был означать, что они тоже принадлежат к народу Израиля. Он должен был обезопасить их на случай того, что спустя много поколений колена, живущие в самом Израиле (к западу от Иордана), однажды объявят сынов Реувена и сынов Гада чужеземцами ввиду того, что они живут за рекой: «Вот мы и решили: построим себе жертвенник — не ради всесожжений или жертвоприношений, но чтобы был он свидетелем — для нас с вами и для последующих поколений наших — того, что мы будем служить Г-споду в Святилище нашими всесожжениями, и жертвоприношениями, и жертвами

¹² Брахот, 62а. См. расширенную цитату: «Сказал рабби Акива: однажды я вошел в туалет следом за рабби Йеошуа и выучил у него (увидев, как он себя ведет) три вещи... Сказал ему Бен-Азай: как ты осмелился поступить подобным образом по отношению к своему

раву (зайти за ним в туалет)? Сказал ему рабби Акива: поведение в туалете — это тоже Тора, а я должен учиться!» См.: Вавилонский Талмуд. Тракта́т «Брахот». Т. II. С. 392. — *Примеч. перев.*

мирными¹³; и не скажут в будущем ваши сыны сынам нашим: “Нет вам удела у Г-спода!” Вот мы и решили: если так скажут нам и потомкам нашим в будущем, то мы ответим: “Взгляните на подобие жертвенника Г-сподня, которое сделали наши отцы — не для всесожжений и не для жертвоприношений, но чтобы он был свидетелем для нас с вами”».

Гражданской войны едва удалось избежать.

Подозрение присуще жизни в обществе сплошь и рядом. Это мощнейшая разрушительная сила. Между тем главная задача иудаизма — строительство милосердного общества, которое зиждется на справедливости, сострадании, взаимной ответственности и доверии. Проблему подозрений иудаизм решает в двух плоскостях сразу. С одной стороны, велит нам подавлять в себе подозрения и судить о людях великодушно, исходя из презумпции невиновности. С другой — призывает каждого из нас вести себя так, чтобы оставаться вне подозрений, держаться, как советовали законоучители Талмуда, «как можно дальше от недостойного поведения, от всего похожего на такое поведение и от всего, что может

даже показаться похожим на такое поведение со стороны».

Одно дело быть невиновным перед Богом. Совсем другое — быть невиновным перед другими людьми, своими братьями. Второе намного сложнее. Но именно эта трудная задача стоит перед нами. Не потому, будто мы ищем одобрения окружающих (как говорится, заискиваем перед ними), а потому, что мы призваны быть примером для подражания, образцовыми людьми, живым воплощением Торы. А также потому, что мы призваны быть объединяющей, а не разобщающей силой в еврейской жизни. Как отметил Хатам Софер, эту заповедь нам удастся выполнить далеко не всегда. Сколько бы мы ни старались, другие все равно могут обвинить нас (как обвиняли Моше) в том, в чем мы абсолютно невиновны. И все же мы должны выполнять свою задачу изо всех сил, проявляя милосердие в своих суждениях о других и скрупулезную предусмотрительность в своем собственном поведении.

¹³ Йеошуа, 22. Так в английском переводе. В русском переводе И. Тантлевского (Еврейская Библия. Ранние пророки. М.: Книжники, 2020): «...того, что мы (тоже можем) служить Г-споду нашими всесожжениями, и

жертвоприношениями, и жертвами мирными». — *Примеч. перев.*